

ЛЕОНИД ЯРОШЕНКО

ФРИЛАЙН

РОМАН

18+

Леонид Ярошенко

Фрилайн

«Автор»

2026

Ярошенко Л.

Фрилайн / Л. Ярошенко — «Автор», 2026

Каждый любит слушать истории. А отдельное удовольствие — наблюдать, как история раскрывается медленно, затягивая с каждым прочтением. Это история человека, которого с детства учили бояться. Бояться людей, ошибок, самого мира за пределами привычной жизни. Но однажды ему приходится выйти в реальный мир и играть по его правилам. А потом что-то меняется. Он перестаёт следовать чужим правилам — и начинает диктовать свои. «Фрилайн» — история о страхе, взрослении и попытке наконец самому определить, как будет устроена твоя жизнь.

© Ярошенко Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Начало	5
Глава 1. Жёлтое кресло	7
Глава 2. Дед	8
Глава 3. Север. Общага	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Леонид Ярошенко

Фрилайн

Начало

Я снова сидел за графиками и смотрел, как евродоллар рисует зигзаги. День шёл к вечеру. Мне надоело смотреть в монитор. Я закрыл ноутбук и пошёл на кухню.

Сестра лежала на диване и плавилась от жары.

Слабачка, подумал я.

— Пошли погуляем. Проведу тебе экскурсию, — сказал я и весело потянул её за руку.

Когда мы вышли на улицу и немного прошлись, первое, что она сказала:

— Здесь живут недоброжелательные люди.

У меня было другое мнение.

Я знал в этом посёлке многих, и они знали меня. Неудивительно. Я играл с детьми в футбол, флиртовал с женщинами, мужики останавливали машины, чтобы пожать мне руку. Я знал этих людей, я изучал их судьбы, я любил их. А они любили меня.

Мы гуляли. Светило закатное солнце. Люди выходили на улицу. Жара спадала. Говорил в основном я.

— Вот тут, на третьем этаже, живёт соседка, с которой у нас был роман. А там дальше — красotka лет пятидесяти. Замужем. Недавно призналась мне в чувствах. Я позвал её в Грузию. Она сначала не соглашалась, а потом сдалась. А тут прокурорская семья. Их сын мечтает стать богатым и известным.

Мы свернули с асфальта и перешли на траву. Дорожка вела к спортплощадке.

— А вон в том далёком доме живёт девушка с детьми, которая изменяет своему мужу.

— Плохо.

— Главное, чтобы не с тобой, — добавила она.

К горлу подступило раздражение, но я сдержался.

— Они изменяют со мной, — с гордостью сказал я.

— Это до тех пор, пока тебе голову не свернули.

Внутри выстрелило.

Я услышал в её словах старый голос нашего рода. Голос неодобрения и опасности. Я слышал его сотни раз.

— Ненавижу тебя и их, — разрешился я, кивая в сторону дома родителей.

Я смотрел прямо на неё и улыбался. По телу медленно разливалась теплота, раздувая грудь. Мне хотелось ещё.

Но удовольствие предательски сменилось злостью. Я сжал челюсть и ударил кулаком о железную стойку. Закусил палец.

Мне надо найти сестру. Поговорить. Потрогать. Чтобы не было как у отца.

Я шагнул на асфальт.

Меня подхватил лёгкий летний ветерок, принесший запахи с чьей-то кухни. Навстречу шёл человек — наверное, в эту квартиру. Тяжёлая сумка в его руке клонила к земле.

— Вам помочь? — с улыбкой спросил я.

Он засмеялся:

— Да нет, как-нибудь дотащу.

Сестра шла вдалеке и разговаривала с кем-то по телефону.

Я подошёл к ней и ткнул пальцем в живот.

Она прошла мимо.

Мне стало легче.

Глава 1. Жёлтое кресло

Я помню, как сижу в жёлтом кресле в нашем большом летнем доме. Рядом со мной комод с зеркалом, перед которым каждое утро бабушка расчёсывала свои длинные косы. Мы приезжали к ней каждое лето. Это была радость: долгое путешествие на поезде и автобусе. И вот мы в лете. У нас свой дом, а не комната в общежитии, где нас ненавидят.

С кухни слышались голоса и шум завтрака. А я сижу в этом кресле и не могу сдвинуться. Я ещё не молился.

«Прежде всех дел умой лицо своё и встань пред Богом», — так говорила бабушка.

«Без Бога не до порога», — приговаривала она.

Если я не помолюсь, соседский пацан опять меня побьёт, меня снова покусает собака или я проколю ногу гвоздём. Будет столбняк, и мне её отрежут.

Страшные картинки гнали меня в маленькую комнату. Я скрестил руки на груди, наклонил голову и вошёл. Внутри стало серьезнее.

— Во имя Отца и Сына и Святого Духа...

Я произносил молитвы, боязливо поглядывая на иконы. Перелистывал Псалтырь и Евангелие. Три раза целовал крест, три раза крестился, ел сухарик и запивал святой водой. Перед выходом прикладывал икону ко лбу, потом ещё раз, но уже в другое место, и выходил с облегчением.

Теперь я защищён, думал я. Можно жить.

Но внутри тянуло обратно — помолиться больше. Я бежал от этих мыслей за стол. Я хотел есть.

Вообще бабушка говорила, что я жив только благодаря Богу. Дьявол хотел забрать мою душу, и они с подружкой весь вечер молились, чтобы этому помешать.

Подругу звали Елисавета. Она жила через речку, и меня часто брали с собой. Место называлось «Оторвановка». Когда я слышал это слово, я сразу думал:

«Долго. Далеко. Страшно»

Страшно пробираться сквозь заросли кустарника к маленькой полуразрушенной избушке. Страшно заходить в тёмный и грязный дом, внутри которого воняло старьём и ссаками. Валялись тряпки и мусор. Везде паутина, а в углу — иконы, освещаемые тусклым светом лампы.

Бабушка говорила, что Елисавета — святая дева.

Святая дева была маленькая, горбатая, лицо в морщинах и язвах, волосы грязные. Зубов почти не было. Мне было жутко на неё смотреть. Хотелось помыться.

Кроме старой девы был ещё Венька — умственно отсталый парень. Внутри меня всё сжималось, когда утром я слышал его противный дребезжащий голос из сенок. Он приходил к нам завтракать.

Сумка через руку. Как девочка. Мне было противно.

В нашей семье много молились только я и бабушка. Остальные стояли перед иконами, и на лице было то, что обычно бывает, когда ногу свело.

Суд... Судр... Да, судорога.

А их самих как будто не было. Они были где-то в себе, не с нами.

Глава 2. Дед

Деду не нравились иконы и бабушкины друзья. И, наверное, мы тоже. Он ходил грозный и молчаливый. Смотрел на всех своим мутным стеклянным глазом. Мне хотелось, чтобы дед ушёл. И он уходил.

В другой дом. Он всегда уходил, когда мы приезжали. Там он жил, пил и ночевал.

Однажды во время одной из своих пьянок дед остановил своей здоровенной рукой нож. Руку разрезало до мяса: текла кровь и свисала кожа.

— Ничего, оклемался, — говорила бабушка.

Особенно страшно было идти звать его есть. Я настороженно, высоко поднимая ноги, пробирался через заросли кустарника, строительные материалы и куски железа к низкой избушке. На входе пахло затхлостью, сеном и кроличьим навозом. Стояли клетки и лежали доски. Дед строил ещё один дом.

Я останавливался перед кроликами и смотрел, как эти пушистые комки шевелят носами.

Что они здесь делают? — думал я.

Я тянул за кольцо тяжёлой, скрипучей двери и кричал внутрь:

— Дед, пошли есть, бабушка зовёт, — и быстро убегал.

Я не помню, что отвечал дед. Я редко слышал его голос.

О его жизни мне рассказывала бабушка — вместе с молитвами и сказками, когда мы ложились спать.

— Он колол дрова, и ему отлетела щепка. Так и лишился глаза, — вспоминала бабушка.

Когда она рассказывала про их знакомство, всегда улыбалась.

— Я гнала его, а он не уходил.

Потом смеялась.

Она неожиданно затихла.

— Ты был беспокойным ребёнком. Кричал и плакал. Дед брал тебя в одеяло...

Я приподнялся с подушки.

— И носил по всем комнатам, пока ты не уснёшь. Мог долго носить. До утра.

Я помню, однажды вечером дед неожиданно пришёл к нам. Он сидел на диване в сенках. Весёлый. Смотрит на всех с интересом.

Подошла кошка и потёрлась о его ногу. Он взял её и погладил. Посмотрел на меня и улыбнулся.

Глава 3. Север. Общага

Лето кончалось. Пора ехать домой.

Мы жили в маленькой комнате длинного, как колбаса, общежития. Это было голубое одноэтажное здание. Деревянный барак. Длинный коридор и иногда солнце, освещающее часть этого коридора. Тишина. Пыль застыла в сгустке света.

Я чувствовал, что мы другие: мы могли стирать вещи прямо в комнате, у нас была вода и раковина. Места больше, чем у других. У нас был подвал. Отец сделал так, чтобы в этом пространстве мы жили чуточку лучше, чем соседи.

А соседи? Они засовывали нам в замочную скважину скрепки и иголки. И напряжение — каждый раз, когда мы проходили мимо.

Несмотря на это, я рвался туда — за дверь.

И каждый раз мою голую задницу останавливала чёрная и мохнатая овчарка.

Жизнь проникала ко мне светом из старого пузатого телевизора. Яркие блики рассказывали о далёкой и разноцветной жизни. Но когда отец приходил с работы, мир резко сужался.

— Чё за фигню ты смотришь? — говорил он и переключал на новости и убийства.

Однажды я сидел наверху двухэтажной кровати и подглядывал в пятно света, разрезавшее тёмную комнату. Посреди помойки рылись грязные и оборванные бомжи, а хорошо одетый ведущий стоял рядом с ними. Голос из телевизора звучал мрачно. Меня захватило.

А вдруг я стану таким же?

Я мотнул головой, но мысли остались внутри. Я зажмурился и снова мотнул головой. Всё равно. Я вытер руками лицо. Мне захотелось помыть их. Но слезть — отец накричит.

Я вытер руки об одеяло.

Теперь оно грязное.

Что делать?

Меня обездвижило.

Я помню, как у нас в комнате-кухне было большое окно и между стёклами — муха, пузом кверху. Она всегда была там: когда задувал снег, когда на песок падали осенние листья.

Я смотрел на прохожих и бегающих детей за окном.

Мне хотелось

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.